

Однажды и навсегда

Романы О. Покровской

Ольга Покровская

Нащелуй
Осени

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П48

Художественное оформление серии
Марии Коняевой

Покровская, Ольга.

П48 Поцелуй осени : [роман] / Ольга Покровская. —
Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-095803-0

Для окружающих Лика – циничная и уверенная в себе журналистка. Однако в глубине души она все та же девчонка, воспитанная бабкой, у которой не забалуешь. Лика бежит от любви, не решаясь довериться до конца... Но однажды, оставшись одна, она вспоминает о том, кто хотел заботиться о ней много лет назад, и понимает, что это единственный человек, который ее любил. Вот только откликнется ли он на призыв теперь, когда потеряно уже столько времени?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095803-0

© Карпович О., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Когда ты заглядываешь в глаза бездны,
бездна отражается в тебе.

Ф. Ницше

ВСТУПЛЕНИЕ

2001 ГОД

Белая пушинка сорвалась с ветки тополя и, подгоняемая легким ветром, полетела туда, где, невидимые за цветущими деревьями, мчались по широкой магистрали машины. Весна раскрасила аллеи Центрального парка яркими красками, осыпала ветви деревьев белыми и розовыми цветами, наполнила воздух нежным ароматом. Утреннее солнце играло и искрилось на стеклах выглядывавшего из зелени шпиля отеля «Гранд Астория». Где-то за пышными кустами звенели ребячьи голоса на одной из детских площадок. Прощокали по дорожке две каурые лошади, запряженные в двуколку образца начала прошлого века. Над подстриженными газонами смешивались запахи цветов и бензина.

В конце аллеи показалась одинокая женская фигура. Невысокая миниатюрная брюнетка в светло-зеленом легком платье и босоножках медленно шла по чисто выметенной дорожке, чуть помахивая на ходу зажатой в руке газетой. Газету она только что купила при входе в парк у продающего прессу молодого бойкого афроамериканца. Несмотря на проведенные здесь, в Америке, четыре года, говорила она с русским акцентом:

— Доброе утро, мне «Нью-Йорк таймс», пожалуйста.

Разворачивать газету она не спешила, предвкушая и оттягивая ожидающее ее удовольствие.

Женщина подошла к спрятанной под столетним раскидистым платаном скамейке, присела, откинулась на спинку и свинула на лоб темные очки. Теперь можно было разглядеть ее лицо — резко очерченные скулы, зеленые миндалевидные глаза, яркие, решительно сжатые губы, едва заметная белая галочка шрама на левом виске...

Ее приподнятое настроение объяснялось тем, что в газете она ожидала увидеть большую статью, подписанную ее именем. Последние несколько месяцев, помимо основной работы на телевидении, она увлеченно занималась специальным проектом, задуманным ею вместе со старым приятелем и по совместительству любовником Пирсом Джонсоном. Пирс, редактор одного из отделов «Нью-Йорк таймс», предложил ей сделать серию очерков о жизни нелегальных эмигрантов, стекающих в Нью-Йорк со всего мира. Журналистка взялась за дело с энтузиазмом, скиталась по трущобам, гонялась за приткими бангладешцами, пыталась разговорить затравленно моргавших из-под темных покрывал восточных женщин с завернутыми в тряпье младенцами на руках, а как-то ночью даже оказывала первую помощь жертве поножовщины в одном из негритянских кварталов.

Затем, вдвоем с Пирсом, они ночи напролет просиживали над собранным ею материалом, срывали голоса,

споря, как лучше скомпоновать статьи, в каком порядке запускать их в печать. К утру глаза начинали слезиться от напряжения, в желудке жгло от неизвестно какой по счету порции крепкого кофе, кончики пальцев желтели от никотина. Но дело было сделано, материал доведен до ума, вечно критикующий Пирс повержен ее неумолимой логикой, и она, выпотрошенная, опустошенная, с довольной улыбкой поднималась из-за стола и потягивалась, глядя в окно на занимающийся над никогда не спящим городом день. Пирс становился рядом, обхватывал своей огромной ручищей ее плечи и говорил с досадой и невольным восхищением:

— Черт, ты опять меня сделала, детка!

Это ей больше всего и нравилось в их отношениях — дух товарищества, ощущение сплоченности, понимания, единомыслия. Не любовный лепет, а крепкий союз двух профессионалов, занятых общим делом. Пирс был одним из немногих мужчин в ее жизни, которому не приходилось объяснять, почему журналистке бывает необходимо сорваться среди ночи по звонку от шефа. Он не закатывал ей сцен ревности, если она пропадала где-то несколько недель со специальным заданием, не вздыхал о недополученном внимании и ласке, не претендовал на главенствующую роль в ее жизни. Может, поэтому их роман, если, конечно, можно было так назвать эти близкие полудружеские полупрофессиональные отношения, продолжался уже несколько лет.

И вот сегодня наконец должен был выйти в печать первый очерк из уже полностью готовой серии. Плод многомесячного труда, который, по словам Пирса, дол-

жен был в одночасье превратить ее из пусть известного в своих кругах и уважаемого, но все же рядового сотрудника в звезду мировой журналистики. По такому случаю она даже сменила обычную «униформу» — джинсы, майка, бейсболка — на платье и туфли, чего с ней не бывало с последнего официального приема в российском посольстве, на котором она присутствовала по долгу службы. Кроме того, дома, на рабочем столе, белело подписанное заявление на отпуск, а в прихожей подпирал дверь упакованный чемодан. Теперь оставалось лишь дожидаться Пирса, отметить ее триумф обедом в одном из самых модных ресторанов, а затем подхватить багаж и отправиться в аэропорт, откуда блестящий, словно глазированный, белый «Боинг» унесет их к морю и пальмам. И в ближайшие две недели она клянется не включать телевизор, игнорировать телефон, а лишь бездумно валяться на пляже, прихлебывать коктейли, носить открытые платья, словом, хотя бы попытаться делать все то, от чего получают сказочное удовольствие все другие известные ей женщины.

Журналистка откинула голову, полюбовалась солнечными бликами, скачущими по темно-зеленой глади лежавшего по другую сторону аллеи пруда, и наконец развернула газету. Быстро пробежала заголовки, мгновенно выхватила глазами свой — «Родина займы», открыла нужную страницу. Как профессионал оценила верстку, расположение фотографий, удовлетворенно кивнула и лишь затем, чуть подсмеиваясь над собственным тщеславием, взглянула вниз, туда, где должны были стоять ее имя и фамилия. Однако...

Она сдвинула темные брови, поднесла газету ближе к лицу, вдохнув запах свежей типографской краски, и, словно не веря своим глазам, прочитала вслух:

— Пирс Джонсон...

Но как же это? Может быть, ошибка, перепутали верстальщики? Она вернулась к первой полосе, перечитала анонсы размещенных в номере статей. Нет, и здесь тоже стояла фамилия ее бессменного приятеля и любовника. Она так увлеклась, что не заметила, как он сам, собственной персоной, появился в конце аллеи, огляделся и направился к ней, широко улыбаясь. Бесшумно подошел к скамейке, склонился к ее плечу и пропел:

— Тебя можно поздравить?

Она вздрогнула, подняла голову и уставилась прямо в его холеное, гладко выбритое лицо. Удивительно, почему-то его цветущий вид сегодня показался ей отвратительным. Эти прозрачно-голубые глаза на покрытом золотистым загаром лице. Он ведь прекрасно знает, что загар так красиво оттеняет их, и не забывает раз в неделю забежать в солярий после работы. Аккуратно подстриженные темные волосы, чуть тронутые сединой, ровные блестящие зубы. Сколько, интересно, он платит своему стоматологу за эту обезоруживающую, вызывающую доверие улыбку?

— Кажется, это я должна тебя поздравить, — ядовито отметила она, развернув перед Пирсом статью.

— Ах, это... — протянул он, слегка поморщившись. — Ну, детка, надеюсь, ты не обиделась? Ты ведь должна понимать как профессионал, что у издательско-

го бизнеса свои законы... На общем собрании решили, что такой социально значимый материал не может быть подписан фамилией русской журналистки. Поэтому я, как редактор отдела, вынужден был поставить свою фамилию. Детка, ты ведь не станешь отрицать, что я тоже приложил много усилий в работе над этими очерками...

Не прерывая своего монолога, он уселся с ней рядом и теперь тискал и мял крупными пальцами ее ладонь.

— У меня имя есть, — резко прервала его она.

— Что? — опешил тот. — А, ну извини, если тебе не нравится. Ок, Лика. Так вот, Лика, если ты согласишься на последнюю страницу, в графе «Над номером работали», то ты увидишь там свою фамилию. И конечно, я непременно упомяну о том, какой огромный вклад ты внесла...

Его спокойный, рассудительный голос раздражающе действовал на Лику. Она почувствовала пульсацию в висках — верный признак начинающейся тяжелой мигрени, преследовавшей ее с детства. Она тупо смотрела на скользкую по ее коленям широкую ладонь, на крупный, словно расплющенный, ноготь на большом пальце и удивлялась, как она раньше не замечала, какие у Пирса некрасивые, грубые руки. В первые минуты разочарование, потрясение, испытанные ею, были настолько сильными, что разум будто «завис», отказался выдать положенную эмоциональную реакцию. Она лишь пыталась как-то понять, уяснить для себя, что произошло, не давая случившемуся никакой оценки. Однако под действием монотонного голоса ее друга-приятеля она начала постепенно приходить в себя, просыпаться от

навалившегося отупляющего бессилия. Где-то внутри задрожало, забилося, и Лика поспешила раззадорить саму себя, вызвать гнев, ярость, выплеснуться наружу, не позволяя проявиться самому потаенному, глубокому. Она с силой выдернула ладонь из его руки, вскочила на ноги, подобралась, как кошка перед прыжком, и выкрикнула:

— Ты можешь кому угодно плести эти бредни, кроме меня! Я, как ты верно заметил, профессионал и кое-что смыслю в издательском деле. В частности, я неплохо знаю, что такое плагиат и как это карается по закону.

— Ты что же, угрожаешь мне? — недоверчиво протянул Пирс, вскинув свои льдистые глаза на стоящую перед ним женщину. — Думаешь обратиться в суд?

— Думаю! — яростно подтвердила Лика. — Думаю, мне будет что рассказать адвокату.

— Как хочешь, — развел руками Пирс. — М-да... Никак не ожидал, что ты такая...

— Какая? — запальчиво вскинулась Лика.

— Недальновидная! — пояснил он. — Ведь никакого подписанного договора с редакцией у тебя нет, все строилось на нашей устной договоренности. Я считал, мы понимаем друг друга. Я, человек с именем в нью-йоркской прессе, по доброте душевной помогаю тебе, никому не известной русской журналистке, продвигаться в карьере... Конечно, учитывая и свои интересы при этом... А теперь оказывается, что ты считаешь меня каким-то подлым плагиатором. Думаешь, я за твой счет решил прибавить себе популярности...

— А что? Разве это не так? Кто собрал весь материал? Я! Кто написал все эти тексты? Тоже я. Ты только мешал мне своими дурацкими советами и рекомендациями. Я уйму времени потеряла, объясняя тебе, что и как. А теперь ты взял и просто украл мои статьи, как последний...

— Ну, дорогая моя, — прогудел Пирс, поднимаясь со скамейки, — в таком тоне я вообще разговаривать не желаю. Считаешь себя обиженной — пожалуйста, поступай как знаешь. Но имей в виду, в твоих же интересах не начинать войну. Вспомни, кто ты и кто я, подумай, чье слово будет иметь больший вес. Знаешь, издательский мир очень тесен, испортить себе репутацию легко. А тебе ведь еще работать тут...

Задохнувшись от этакой наглости, Лика резко отвернулась, уставилась на подернувшуюся легкой рябью поверхность воды, старалась дышать медленно и размеренно, чтобы успокоить, унять душившее напряжение. Пирс же воспринял ее молчание по-своему.

— Вот и умница. Сообразительная девочка. — Он положил руку ей на плечо. — Давай больше не будем ругаться. Тем более и времени нет. Во сколько у нас самолет?

Лика резко дернулась, сбросила его ладонь с плеча и яростно выдохнула:

— Пошел в задницу, урод! Не смей больше звонить мне, никогда!

Пирс на мгновение опешил, но довольно быстро овладел собой, осклабился все в той же белоснежно-рекламной улыбке.

— Как скажешь, детка. Надо признать, я не много теряю. Знаешь ли, роман с неврастеничкой, по самую крышку набитой комплексами, довольно скучное дело.

Ли́ка поняла, что еще секунда, и она бросится на него, расцарапает ногтями эту лошеную самодовольную рожу. Она шагнула в сторону и быстро пошла, почти побежала прочь по аллее.

К щекам прилила кровь, в груди колотилось невысказанное бешенство, и Ли́ка не спешила его унять. Она знала, что на смену гневу придет опустошение, боль, отчаяние, и не хотела позволить этого. Нет, уж лучше злость — это, по крайней мере, конструктивное чувство. Она неслась вперед не разбирая дороги, провожаемая удивленными взглядами туристов с фотоаппаратами на шеях. В конце концов неловко ступила, попала ногой в выбоину на асфальте, тонкий каблук подломился, и Ли́ка, вскрикнув, едва не упала, в последнюю секунду ухватившись за ствол дерева.

«Вырядилась, как последняя дура!» — выругала она себя и, прихрамывая, заковыляла в сторону, опустилась на аккуратно подстриженную траву газона, привалившись спиной к шершавой коре дерева. Где-то вдалеке шумели машины, спешил и рвался куда-то неумемный огромный город. Она же неожиданно оказалась вычеркнутой из его жизни, оторванной, обособленной, словно накрытой стеклянным колпаком. Ярость испарилась. Ли́ка наклонилась, потеряла саднившую лодыжку, прикусила губу.

Нет, плакать она не будет, не в ее правилах. Существуют, знаете ли, на свете такие женщины, которые

могут позволить себе плакать. Сама нежность, беззащитность, глаза их, наполнившись слезами, делаются еще прозрачнее и прекраснее, и любой мужчина, оказавшийся поблизости от подобной плачущей нимфы, в момент чувствует себя доблестным рыцарем и спешит на помощь. Да, есть такие женщины, она же не из их числа. В ее жизни слезы ей никогда не помогли, ни в ком не пробудили сочувствия, и с годами она разучилась плакать.

Лица с силой выдохнула, расправила плечи и поглядела вперед, туда, где возвышались над зелеными кронами деревьев небоскребы. Забавная, однако, штука жизнь. Мчишься куда-то сломя голову, торопишься все успеть, ничего не упустить и вдруг оказываешься совсем одна в огромном, бешено кипящем городе. Впереди две пустые, ничем не заполненные недели, в телефонном справочнике две сотни чужих номеров, а на душе удивительно пусто и паршиво. Впрочем, один номер, по которому можно было бы позвонить сейчас, там все-таки есть. Один... Негусто! Прямо скажем, за долгую насыщенную жизнь ей не удалось обзавестись легионом близких друзей. Только одним. И этот единственно ценный номер она не набирала уже два года. И все-таки...

Лица нашарила в сумке мобильный телефон, нашла нужный номер, несколько секунд вслушивалась в протяжные гудки и наконец сказала в трубку:

— Привет, это я. Можешь сейчас приехать?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1964—1989

1

Все так просто начиналось. Было детство в доме бабки — директора магазина, малообразованной, но крайне справедливой горгульи. Дед обретался там же, его звали Тынемогбы, как вариант Эйты. Дед был мирное существо, на рожон с директором продмага не лез, выражениями с ней не мерился, лечил вечерами свою контуженную на войне голову коньячком пять звездочек под толстенькое сало. Туда же, в их теплую обитель — директорши, военного летчика на пенсии и пятилетней девицы самого крутого нрава, — временами являлась мамахен, красивая, совсем молодая еще женщина, не устававшая проделывать путь через всю Москву на высоченных каблуках. Малолетнее чудовище, вне всякого сомнения, ждало свою болтающуюся непонятно где мамашу. То есть болталась-то она по вполне определенным территориям, а именно — по дачному участку своего нового муженька, придурка полного по призванию и художника-оформителя волею судьбы. Директорша с летчиком знать про новоиспеченного зятя ничего не желали, и посему молодая семья вынуждена